

Купе

Жизнь есть процесс утраты иллюзий, вплоть до иллюзии, будто мы живы.

Эшли Бриллиант

Удивительно устроена человеческая память — кажется, что многие события со временем совершенно стираются, исчезают, как будто никогда и не происходили. Но иногда какая-то давно забытая деталь, всплывшая в реальной жизни, вдруг восстанавливает целый пласт прошедшего, причем с довольно интенсивной яркостью картинок. И оказывается, что все хранилось внутри тебя, а вовсе не растворилось бесследно в океане последующих жизненных впечатлений. Жизнь в Израиле предоставила мне неоднократные возможности в этом убедиться. Здесь меня поджидали такие невообразимые совпадения и встречи, что не раз приходилось всерьез задумываться о всемогуществе и изощренности фантазии главного Сценариста наших судеб. Остается только догадываться о дальнейшем развитии каких-то Его замыслов, чтобы наиболее мудро воспользоваться дарованной нам Им же свободой выбора и не слишком сопротивляться этим Высшим планам. Но самая фантастическая встреча произошла не так давно, и это событие заставило меня перенестись в прошлую жизнь, вспомнить кое-что важное и о многом поразмыслить.

В Израиле существует обычай выставлять ненужные вещи на парапеты, скамейки и вывешивать одежду на заборы, чтобы кто-нибудь еще смог пользоваться всем этим добром. По закону благотворительности (на иврите это называется "мицва"), вещи должны быть в чистом и целом состоянии. Народ здесь проживает очень разного достатка. Поэтому некоторые семьи, особенно многодетные, действительно иногда пользуются этой мицвой. Обычно в таких домах люди не задумываются о том, что вещи впитывают энергетику своих бывших хозяев, к сожалению, не всегда положительную.

Однажды я увидела на парапете пару изящных туфель темно-вишневого цвета на высоком каблучке. Я резко остановилась, сразу не отдавая себе отчета в том, что приняла их за свою давнюю трагическую пропажу. Несколько мгновений пребывала в растерянности, которая тут же сменилась уверенностью в невероятности подобных совпадений. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что наше фантастическое свидание с моими любимыми французскими туфлями, украденными более 30 лет назад, действительно состоялось!

В середине восьмидесятых годов мне часто доводилось ездить в чудный город Киев, где находилось головное предприятие нашего одесского отделения госснабовского ВЦ. Я очень любила эти командировки, несмотря на то, что рабочая нагрузка была там весьма интенсивной. В молодости на все хватает времени и сил. Большое удовольствие доставляли прогулки по живописному городу, да и покупки тоже не могли не радовать. В те далекие времена проблемы дефицита распространялись на очень многое. Но кое в чем мне иногда везло просто удивительно. В обувном магазине на улице Леси Украинки удалось купить потрясающие французские туфли по немыслимо низкой "государственной" цене! Они были в продаже только по причине малого 35-го размера, а я в те времена в него прекрасно вписывалась. Трудно описать мое женское и человеческое счастье обладания таким сокровищем. Мало того, что они были редчайшего цвета "гнилой вишни", с изящной колодкой и высоким каблуком, они еще отличались мягкой лайковой кожей и необыкновенно красивой отделкой — вкраплениями мелких лаковых узоров более темного вишневого цвета. И самое главное, что при всех этих прелестях — ходить в них было сплошное удовольствие. Легкие, удобные, устойчивые, оригинальные — само воплощение виртуозного обувного совершенства! В таких туфельках вы просто обречены на восхитительное ощущение женственности и привлекательности, даже если приходится длительное время быть на ногах. Но долго радоваться удачной покупке мне было не суждено.

В сентябре 1984-го года я снова собралась в командировку в Киев. Требовалось в очередной раз оправдать доверие начальства, будучи назначенной основным докладчиком по вопросам компьютеризации задач бухгалтерского учета на техническом совете у генерального директора. Естественно, что новые туфли пришлись весьма кстати.

Фирменный скорый поезд "Черноморец" уходил с одесского вокзала поздним вечером, а в 10 утра уже начинался технический совет. Необходимо было постараться как-то выспаться в купейном вагоне, иногда это по молодости удавалось. Но тогда был не тот случай. Соседями оказались два солидных полковника и миловидная грустная женщина средних лет, которая представилась как бухгалтер Ольга Петровна. Не успел поезд набрать скорость, а веселые общительные проводницы собрать билеты и деньги за постель, как военные стали дружно выгружать неслабый запас провизии на столик и радушно приглашать поужинать чем Бог послал. Меня поразил ассортимент и количество закусок, положенных заботливыми полковницами в портфели своих командированных мужей. Там

присутствовали самые вкусные деликатесы с одесского Привоза, включая малосольную скумбрию, копчености, брынзу, пахнущие укропом огурчики, кислую капусту и фаршированные баклажаны в баночках и т. д. Даже не верилось, что люди собирались провести в поезде всего одну ночь! Я достала из сумки бутерброд с сыром и скромно пристроила его на столике. Ольга Петровна вытащила эмалированный судок с творожной запеканкой, но все решили, что это будет к чаю. Итак, наш ужин начался примерно в 10 часов вечера, а буквально через час мы уже многое знали друг о друге — по крайней мере, я была в этом уверена. Впрочем, из жизни наших военных попутчиков не особенно много можно было почерпнуть (кроме спиртного и отличной закуски). Оба они были совершенно благополучны в службе и семейной жизни. Полковники имели настолько свободные от интеллектуальной нагрузки головы, что помнили вопросы на выпускных экзаменах в военном училище и академии, на которые, судя по всему, успешно ответили много лет назад. Меня просто потрясла эта феноменальная память почти девственно чистых военных мозгов. А вот Ольга Петровна поведала нам свою весьма грустную историю, связанную с потерей миллиона рублей. Этот миллион исчез при составлении бухгалтерского баланса финансовой деятельности предприятия, в котором она работала в городе Виннице. Выяснился этот печальный факт во время попытки сдачи баланса в головной организации, для чего она ездила в Одессу. Несмотря на совместные поиски с ведущими специалистами фирмы, миллион найти не удалось. Ольга Петровна останавливалась на квартире одесских родственников, которые также были подключены к поиску пропавшего миллиона по всем бухгалтерским проводкам. Но все было тщетно. Она применила последний испытанный прием — испекла большую творожную запеканку по специальному рецепту и отнесла половину главной наставнице по бухгалтерии, которая работала в одесской налоговой инспекции. Они вдвоем пили чай с вкуснейшей запеканкой и искали миллион. Но все усилия, по словам несчастной, были напрасны — он пропал, как заколдованный нечистой силой.

После третьей рюмки отличного коньяка, принятого под благородную закуску, в моей программистской голове начала вылупляться идея-догадка насчет столь удивительно потерянного миллиона. В те годы мне приходилось много работать с бухгалтерами в процессе перевода задач на компьютерный режим. Мысль была очень простой, но по опыту проникновения в бухгалтерскую логику, я уже предполагала, как происходил поиск, и предложила Ольге Петровне проверить суммы, равные пятистам

тысячам рублей. Если одна из таких бухгалтерских проводок была по ошибке занесена в дебет вместо кредита (или наоборот — в кредит вместо дебета, или проведена с отрицательным знаком), то итоговый баланс получит удвоенное искажение — вот вам и миллион! Она с плохо скрываемым недоверием взглянула на меня, но затем со вздохом вытащила папку с балансом. Буквально через несколько минут мы нашли именно такую ошибочную проводку.

Наше купе бурно ликovalo! На продолжение банкета были приглашены проводницы. Все от души поздравляли Ольгу Петровну, которой уже можно было пересаживаться на встречный поезд и снова отправляться в Одессу — сдавать исправленный баланс. Вот тут пришла пора "друг другом восхищаться". Все обратили внимание на мои вишневые туфли, которые выглядывали из-под нижней полки. Ольга Петровна даже попросила поддержать их в руках, погладила и зачем-то понюхала. Она с привычным недоверием взглянула на мои ноги в шлепанцах, мысленно прикидывая, как мне удастся втиснуться в такой размер.

В процессе совместного чаепития мы все не могли не восхищаться совершенно дивным вкусом творожной запеканки с изюмом и цукатами. Проводницы немедленно потребовали рецепт, принесли листки и карандаши. Я записывала, держа на коленях папку с найденным миллионом.

Бумажка утром не обнаружилась, так же, как и мои неповторимые французские туфли. Мы с проводницами и полковниками поочередно долго ползали на коленях, исследуя каждый сантиметр купейного пола, — туфли исчезли гораздо более безнадежно, чем давешний миллион. В ящиках для багажа под обеими нижними полками туфли также не были обнаружены, хотя в первые пять минут поиска я была уверена, что они именно там. Никогда мне не забыть непередаваемую смесь ощущений ужаса, обиды, гнева и сожаления. Ольга Петровна сошла с поезда ранним утром в Виннице, и никто из нас даже не проснулся, чтобы попрощаться с ней. Очевидно, нагло выставленные мною почти сувенирные туфли сыграли с ней злую шутку — соблазн оказался непреодолимым. Комментарии, как говорится, были излишни. Правда, выдавшие виды проводницы начали задним числом утверждать, что сразу заподозрили Ольгу Петровну, симулирующую пропажу миллиона: "Небось, сама все и прикарманила — и деньги, и туфли! Всегда в поезде нужно класть обувь под подушку, а вы все интеллигентничаете, все обидеть соседей подозрением боитесь. Вот и гуляйте теперь босиком по лужам. Но все же, как эта ворюга своей запеканкой нас закайфовала!".

Ситуация сложилась неординарная. Поезд прибывал к вокзалу. Накрапывал осенний дождик. Перспектива явиться на доклад к генеральному директору в промокших шлепанцах выглядела малопривлекательной. Все-ррез озадаченные полковники предлагали одолжить деньги на покупку новых туфель, но времени на это не оставалось. Отзывчивая юная одесситка из соседнего купе предложила мне свои довольно закрытые плоские белые босоножки 34-го размера, конечно, с возвратом. Вот в таком виде, практически в белых тапочках, сжимающих тисками ноги, и элегантном кримпленовом костюме я и явилась на технический совет. Смеха было больше, чем сочувствия, — это естественно. И конечно же, напрасными были мои поиски аналогичных туфель в обувных магазинах Киева. Ничего подобного мне больше не попадалось. Название предприятия, для которого так удачно был найден миллион, я и не думала запоминать. Мое доверие к попутчикам было подорвано самым циничным образом. Но и привычки класть обувь под голову для дальнейшей жизни без командировочных потерь также не удалось приобрести. Правы были проводницы — интеллигентность диктует другие решения. Например, вообще не спать в поезде, бдительно подремывая и присаживаясь на полке на остановках, дабы не вводить попутчиков в грех искушения. И еще меня долгие годы преследовал синдром ощущения невосполнимой потери при звучании вполне невинного слова "запеканка" — синдром потери доверия к ближнему. Но с этим я довольно успешно боролась, судя по количеству последующих обманов и утрат.

И вот через столько лет мне была уготована встреча с этой незабываемой парой обуви, которая выглядела все такой же удивительно новой, как будто только недавно купленной по счастливому случаю. Очевидно, так никому и не посчастливилось до сих пор чувствовать себя в этих туфельках женственной и стройной. Пока не нашлось другой Золушки. Да и я уже не гожусь на эту роль — размер ноги другой, высокие каблуки давно в прошлом. Но может быть, все же кому-то они еще послужат с моим благословением. Я нежно погладила туфельки и пожелала им найти хозяйку, достойную их красоты.

И все же неисповедимы судьбы не только людей, но и некоторых вещей! Каким образом эти туфли, украденные много лет назад в поезде, могли попасть в Израиль и быть выставленными явно за ненадобностью совершенно не ношеными? Кому могла подарить их Ольга Петровна? И вдруг я совершенно четко вспомнила, что в момент нашего бурного ликования по поводу найденного миллиона полковники обменялись между собой некой фразой, на которую я тогда совершенно не обратила внима-

ния, а теперь она приобрела совершенно конкретный смысл и содержание. Фраза звучала примерно так: "Вот и наша бухгалтерша в военной части Фаничка тоже с удивительно светлой головкой и крошечной ножкой!". Ужасное подозрение-догадка пронзило меня. Неужели я столько лет пребывала в таком отвратительном заблуждении?! Бедная напрасно оклеветанная Ольга Петровна! Но хороши же наши доблестные полковники. Интересно, какой из них решил привезти умненькой Фаничке такой роскошный, совершенно дефицитный подарок? Впрочем, это значения не имеет, все равно по каким-то причинам носить ей их явно не довелось. А расстаться с ними сил не хватило, даже в эмиграцию с собой взяла. Тут я ее очень хорошо понимаю. Был момент, когда даже захотелось вернуться к дому, возле которого стояли туфли-мицва, и разыскать эту самую Фаничку. Интуиция подсказала мне, что это — точное попадание. Интересно было бы поведать ей историю моих приключений в незабываемом купе. Но зачем разочаровывать еще одну женщину в еще одном или сразу двух полковниках? Тем более что дело было так давно. Но вот реабилитация Ольги Петровны доставила мне огромную радость. И даже удалось вспомнить рецепт ее фирменной творожной запеканки. С той поры я готовлю ее довольно часто. В отличие от всяческих иллюзий и заблуждений, творожная запеканка никогда и никого не разочаровывает полностью. Вот этот рецепт:

Исходные продукты: Творог хорошего качества — 800 г или 1 килограмм, 6 яиц, сметана — 100 г, масло сливочное — 50 г, изюм — 50 г, сахар — три четверти стакана, манка — 3 столовые ложки, цедра двух лимонов, цукаты по вкусу.

- 1) Отделить желтки от белков;
- 2) растереть желтки с сахаром;
- 3) растереть творог с желтками;
- 4) добавить кусочки сливочного масла, сметану, цедру, манку — все хорошо растереть;
- 5) добавить размоченный изюм и цукаты;
- 6) взбить белки в крутую пену;
- 7) осторожно размешать взбитые белки с подготовленной творожной массой;
- 8) намазать глубокую форму сливочным маслом и вылить в нее творожную массу, поставить в разогретую духовку с температурой 180 градусов;
- 9) выпекать 40 минут, вначале нижним нагревом, затем нижним и верхним одновременно.

Во время выпекания происходит значительный подъем творожной массы, после охлаждения она частично оседает. И это единственное, но не трагическое разочарование, которое вполне компенсируется пикантным нежным вкусом и ароматом. Каждый раз я мысленно прошу прощения у невинно пострадавшей Ольги Петровны.

Но иногда мне снова начинает казаться, что полковники и их тайно обожаемая Фаничка, может, вовсе ни при чем. А вдруг все это подстроили пройдохи-проводницы во время побудки Ольги Петровны? А потом продали эти тувельки какой-то потенциальной репатриантке. Уж очень они здорово разбирались в психологии пассажиров-интеллигентов. А может, все же Ольга Петровна? Или полковники? Или проводницы?

Да, сюжетец вполне в духе Агаты Кристи, только без трупиков.

А может быть, кто-то из моих давних попутчиков страдал клентоманией? Однажды мне довелось выслушать исповедь пожилой интеллигентной дамы, с которой мы разговорились в ожидании задержанного рейса в Домодедово. На моих глазах она, уплатив по счету немалую сумму и дав официанту хорошие чаевые, спокойно положила в сумку миниатюрную вазочку с икебанкой, стоящую на столике кафе, в котором мы перекусывали, коротая время в полной неизвестности насчет вылета в Израиль. Она подвела под свою пожизненную болезненную слабость подворовывать довольно интересную теорию. Ее амбиции диктовали условия психологического комфорта: почему кто-то другой, а не она, будет владеть понравившейся ей вещью? И почему она должна просто покупать то, что имеет для нее ценность, только если добывается с выбросом адреналина? По беззастенчивому признанию этой вовсе не бедной и, по всей видимости, удачливой женщины, у нее были два самых больших удовольствия в жизни — воровать по мелочам и торговаться по-крупному. В ответ я посоветовала, что совершенно не умею и страшно не люблю торговаться, даже когда понимаю, что теряю уважение самих продавцов. Почувствовав нескрываемое непонимание случайной анонимной собеседницы, я пыталась объяснить, на мой взгляд, уважительную причину такой странности. Каждый раз мизансцена торга предстает в моем воображении, как перетягивание на свою сторону некоей условной купюры, — а с противоположной стороны тянет продавец или работодатель. И у меня обычно совершенно нет уверенности, что нуждаюсь в этой купюре больше противника. И чем он сильнее тянет, тем больше я начинаю входить в его положение. А относиться к этим мероприятиям как к спорту и развлечениям никак не удается. Мне гораздо проще сразу уплатить и, как говорит мой муж, в очередь

ной раз приобрести что-то ненужное. Многие мои друзья не любят ходить со мной по магазинам — при мне им неудобно торговаться.

Собеседница была просто поражена моим ответным откровением и резко заявила, что гордецы и снобы, подобные мне, всегда возмущали ее до крайней степени. И она немедленно лишила меня своего общества, тем более что на наш рейс, наконец, была объявлена посадка.

Эти воспоминания отнюдь не вносят ясность в давние события, только прибавляют горечи. И опять утраченные иллюзии и потеря веры в человеческую порядочность начинают терзать мою душу. И вожденная запеканка кажется слишком жирной и приторной. Я гоню от себя это навяждение, пытаюсь включить чувство юмора и не понимаю, почему через столько лет мне так важно точно знать, КТО. Этот опыт уже ничего во мне не изменит, ничему меня не научит.

И вот как-то после длительных раздумий я вижу сон, где Ольга Петровна проводит в купе аукцион, который завершается тем, что полковники дают поровну и выкупают каждую из моих туфель по пятьсот тысяч рублей. А я лежу на своей полке в странном гипнотическом состоянии, понимая, что мне чего-то добавили в коньяк, но при этом страшно радуюсь во сне — вот же он, миллион! Найден! Затем каждый из них вручает выкупленную туфлю проводнице — причем дарит, как сувенир, своей симпатии, а те тут же объединяют пару и продают Фаничке, едущей инкогнито в соседнем купе. Наконец, я поняла, что все они были в сговоре против меня. Но почему? Что я им всем сделала, чем так настроила против себя? Неужели все они банальные антисемиты? Не может такого быть! А как же Фаничка? Пользуясь преимуществами свободы передвижения во сне и ужасно боясь проснуться, так и не расследовав до конца это темное преступление, я просачиваюсь в соседнее купе, желая поговорить с Фаничкой. А она тем временем горько рыдает, и соседи пытаются ее утешить — у нее как раз украли большую дорожную сумку, которая стояла под столом, так как не помещалась под полкой. Фаничка в моем сильно запоздавшем вещем сне оказалась татаркой Фаиной, которая ехала навестить своих многочисленных родственников, живущих в Киеве. В сумке было много подарков и мои свежеприобретенные ею туфли...

И тут мне стало так хорошо и спокойно! Я проснулась с ощущением полной гармонии в душе. Железнодорожные воры — кто может быть от них застрахован? Ведь двери нашего купе не запирались на ночь. Почему же нужно обязательно думать на кого-то из своих, в самом деле? Какое упоительное ощущение свободы от всяких разочарований! Как говорят

у нас в Израиле: "Воровать профессионально — это святое!". И отдельное спасибо Зигмунду нашему Фрейду — он доходчиво и так же профессионально разъяснил человечеству, как грамотно иногда подсознание может разобраться в практически неразрешимых психологических проблемах.

Какое счастье — дать свободу событиям развиваться так, как им полагается по судьбе, без перехода на личные заслуги и незаслуженные обиды.

И вообще, на что мы тратим жизнь?!

Бат-Ям

